

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Часть 1. Исходные этноисторические предпосылки формирования современных узбеков

В данной статье я не претендую на всеобъемлющее освещение этногенеза современных узбеков. Само понятие этногенеза мне кажется не вполне подходящим к эволюции становления этносов и наций, так как оно взято из арсенала биологических наук, представляя социальные процессы в качестве естественно-исторических, где воля индивидуумов, институтов власти, групп, особенно элит, одним словом – социальных субъектов, как бы остается за кадром. В XIX столетии аналогии с биологией выглядели бы лестными для социологии и этнологии, придавая последним видимость научности. Но сегодня, особенно после выхода трудов Э. Геллнера, Э. Смита, Б. Андерсона, Э. Гидденса, М. Фуко и других наиболее часто цитируемых современных авторов, несовершенство характеристики истории как “естественного” процесса становится все более очевидным. Не признавать эволюционный подход в объяснении этнонациональных явлений было бы невозможным, но при этом требуются определенные оговорки и понимание его ограниченности.

Другое допущение, которое я беру за основу, заключается в признании принципиальной разницы между понятиями “этническое” и “нации”. Этническое, как мне представляется, было основным предметом рассмотрения в советской этнологии, в то время как понятию “нации” больше внимания уделяли политические науки, магистральное развитие которых происходило главным образом за пределами социалистического лагеря. Последнее объясняет, почему большинство отечественных исследователей было мало знакомо с современными теориями наций и национализма. В то же время рассматривать эволюцию этнических образований, особенно тех из них, которые обрели национальную государственность, на той узкой научно-теоретической базе, которая сложилась в рамках советской этноисторической школы, в отрыве от аппарата современных теорий национализма, было бы большим заблуждением. В нашем исследовании предпринята попытка синтеза двух данных подходов. В этой связи поворотным пунктом в этнонациональной истории здесь принимается 1924 г. – время возникновения собственно узбекской национальной государственности, а не какие-либо другие периоды предшествующей истории, т.е. даже не период нашествия в регион кочевых узбеков.

Как известно, в современной узбекской исторической школе ключевым моментом истории узбеков выступает рубеж X–XI столетий – период появления и утверждения в регионе карлукской ветви тюркских народов. Другая историческая школа раннего советского периода, представленная прежде всего акад. А. Семеновым, рассматривает в качестве ключевого момента этнической истории узбеков период захвата региона Мавераннахра² конфедерацией узбекских племен во главе с Шейбаниханом. Не отрицая полностью ни тот, ни другой подход, я предлагаю рассматривать три источника, три исходных этнических компонента, из которых сложились современные узбеки и как этнос, и как нация³. Это даштикипчакские кочевые узбеки, в основной своей массе мигрировавшие в регион Средней Азии в начале XVI в.; примкнувшие к ним местные тюркские племена и роды из числа так называемых чагатайских, а также огузских тюркских племен и родов; так называемые сарты, состояв-

Алишер Ильхамов – кандидат философских наук, ассоциированный научный сотрудник при Школе восточных и африканских исследований Университета Лондона (в 2001–2004 гг. – исполнительный директор Института “Открытое Общество – Узбекистан”). E-mail: ailkhamov@yahoo.com.

шие из оседлого тюркоязычного населения, которые к XIX столетию утратили свою родоплеменную принадлежность, если таковая в далеком прошлом имела.

Другим ключевым моментом излагаемой позиции является утверждение о принципиальной разнице в содержании понятий современных узбеков и тех узбеков, которые населяли регион до национального размежевания 1924 г. и образования новых квазигосударственных образований, сформированных по оси той или иной титульной национальности.

Конечно, воссоединение указанных трех компонентов в единую узбекскую нацию не произошло вдруг, в один день и даже год. Этому предшествовали взаимное сближение по образу жизни и языку, в результате процессов миграции, урбанизации и смешанного расселения по территории региона, множества взаимных контактов и браков, а самое главное – деятельность туркестанской интеллигенции, впервые попытавшейся сформулировать национальную идею и мобилизовать население региона под ее знаменами. Но все же решение Советского правительства о создании Узбекской ССР и соответствующие результаты комиссии И. Магидовича в 1924 г. в этом отношении имели решающее воздействие. Поэтому именно 1924 г. я считаю водоразделом в образовании современных узбеков, а также таджиков, казахов, кыргызов и др. Соответственно, одинаково необходимо проанализировать как этнические процессы, протекавшие накануне этого события, так и те противоречивые обстоятельства, которыми оно сопровождалось. Естественно, не менее любопытно проследить последствия, к которым в конечном итоге привел тот переломный момент истории.

Первоначально я остановлюсь на предыстории вопроса и уделю основное внимание трем указанным выше исходным компонентам современных узбеков – даштикипчакской и дошейбанидской ветвям узбекских племен и родов и проблеме идентичности сартов.

Даштикипчакские узбеки. Как минимум, до конца XIX в. под узбеками понимались главным образом прямые потомки даштикипчакских узбекских кочевых племен, мигрировавших в регион Мавераннахра в начале XVI в. и осевших здесь в эпоху правления династии Шейбанидов, а также позднее примкнувшие к ним местные тюркские племена. Происхождение этнонима “узбек” связано именно с даштикипчакскими узбеками. Он, по всей видимости, происходит от имени Узбек-хана (1312–1340), девятого государя из дома Джучи (старшего сына Чингисхана).

Впервые узбеки упоминаются в сочинении Хамдуллаха Казвини (родился около 1280 г.), который в “Избранной истории” (“Тарих-и Гузидэ”) рассказывает о вторжении в 1335 г. хана Узбека в пределы Ирана, называя при этом золотоордынское войско “узбеками”, а государство Узбека (Золотую Орду) “государством узбекским” (Мемлекет-и-узбеки). Историк Тимура Низамад дин Шами в своем рассказе о бегстве двух эмиров Тимура в 1377 г. сообщает, что они “ушли в область узбеков и укрылись у Урус-хана”, которого называет ханом узбекским. Другой историк Тимура – Шереф ад дин Али Езди, упоминая о посольстве 1397 г. от золотоордынского хана Тимур Кутлуга, называет прибывших послов узбеками. Указанные источники подтверждают, что термин “узбек” вошел в оборот при хане Узбеке и, следовательно, связан с его именем; позднее он стал применяться к подданным Золотой Орды при Урус-хане и Едигее, причем не только к тюркоязычным, но и к тюрко-монгольским по своему происхождению племенам, уже тогда образующим Узбекский улус в пределах улуса Джучи⁴.

Однако впоследствии этот термин начали относить преимущественно к подданным Белой Орды. Разгром Тимуром войск Тохтамыша в XIV в. способствовал распаду Золотой Орды на ряд более мелких государственных образований: Казанское и Астраханское ханства, Хорезм, отошедший к владениям Тимуридов, Ногайский и Узбекский улусы в составе Белой Орды⁵. Узбекский улус занимал степные прост-

ранства между Уралом и низовьями Сырдарьи и как государственное образование прочно утвердился только к середине XV в., т.е. через столетие после смерти Узбек-хана. Этноним “узбек” стал ассоциироваться с именами новой плеяды тюрко-монгольских династических лидеров, которые по своему происхождению восходили не к Узбек-хану, а к монгольскому князю Шейбану, младшему сыну Джучи⁶.

Родной брат Шейбан-хана Батый, как только был избран правителем Золотой Орды, выделил в удел своему брату Шейбану степную область между р. Ирғиз и Уралом. Впоследствии, уже ко времени правления Узбек-хана, степная зона, расположенная выше низовий Сырдарьи и Аральского моря, известная также под названием Дашти-Кипчак, была отнесена к Белой Орде, формально находившейся в вассальном положении по отношению к Золотой (Синей) Орде. Тот факт, что подданные именно Белой Орды стали называться узбеками, частично объясняется тем, что посаженный Узбек-ханом в г. Сыгнаке Эрзен-хан в качестве правителя Белой Орды начал рьяно проводить политику своего патрона по распространению ислама среди подданных⁷. Эта традиция следования устоям ислама сохранилась и усилилась при прямых потомках Шейбана – Абулхаире и Шейбани. Именно в период правления этих ханов термин “узбек” был собирательным для целой группы тюрко-монгольских племен Белой Орды.

Особенность этногенеза даштикипчакских узбеков, по крайней мере, на первых его этапах, заключалась в том, что решающую роль в их объединении под эгидой сильного централизованного государства играли харизматические лидеры типа Узбек-хана, Абулхаир-хана и Шейбани-хана, сочетавшие в себе дуальность принципов правления – приверженность исламу и степному обычному праву (Яса), унаследованному от Чингисхана. Авторитет Абулхаира и его внука Шейбани зиждился не только на их принадлежности к роду Чингизидов, но и на том, что оба они являлись лидерами, фактически избранными узбекскими племенами. Абулхаир был вознесен на ханский престол в 1429–1430 гг. главами 24 племен: кият, мангит, байлы, кунград, тангут, йиджан, дурман, кушчи, утарчи, найман, угриш-найман, тубай, таймас, джат, хитай, барак, уйгур, карлук, кенегес, уйшун, курлаут, имчи, туман, минг⁸. Он умер предположительно в 1468–69 гг. в возрасте 57 лет, после чего контроль над Дашти-Кипчаком перешел к другим представителям дома Джучи, соперничавшим с родом Шейбана и, соответственно, с узбеками. Последние вернули себе свои территории только при Шейбани-хане, вокруг которого вновь объединились узбекские племена и роды. Сначала это были только шесть наиболее преданных Шейбани узбекских племен: кушчи, найман, уйгур, курлаут, ички, дурман. К ним примкнули также мангиты, которые, однако, не ладили с остальными узбеками.

В период дальнейших военных успехов Шейбани по завоеванию Средней Азии к ним присоединились эмиры других узбекских племен – киятов, кунградатов, туманов, тангутов, хитаев, чимбаев, шункарлыев, шадбакиев и йиджанов, которые способствовали триумфу Шейбани-хана как нового правителя Трансаксании⁹. В начале XVI в. руководимые им узбекские племена окончательно покорили территорию Мавераннахра. С тех пор узбекские ханы с перерывом в полтора года (с начала XVII до середины XVIII в., когда в регионе господствовали Аштарханиды) правили территориями Средней Азии, постепенно переходя от кочевого к оседлому образу жизни.

Востоковед Г. Вамбери, посетивший регион в середине XIX столетия, пишет, что к этому времени узбекские племена являлись преобладающими в Кокандском, Хивинском ханствах и Бухарском эмирате и что узбеки тогда объединялись в 32 главных племена: кунград, кипчак, хитай (ктай), мангит, нокс, найман, кулан, кист, аз, тас, сайат, джегатай, уйгур, айбет, дорнен, ошун, канджигалы, нагай, балгали, митен, джелайр, кенегез, канлы, ичкили, багурлю, алчин, ачмайли, каракурсак, биркулак, тырқиш, кеттекерсер и минг¹⁰. В конце XIX – начале XX столетия разные источники уже называли 90¹¹, 92, 97¹² и 102¹³ узбекских племен.

Расхождения в цифрах, очевидно, были связаны с двумя факторами. Во-первых, состав узбекских племен и родов усложнялся в результате появления новых колен и подразделений, а также вступления некоторых из них в образовывавшиеся родо-племенные союзы. Например, часть рода юз, вступив в союз с племенем кырк, образовала относительно самостоятельный род юз-кырк. Во-вторых, собственно даштикипчакские узбеки, пришедшие в данный регион во главе с Шейбанидами, составили только ядро, вокруг которого в последующем объединялись другие тюркские и тюрко-монгольские племена, находившиеся в Мавераннахре к моменту утверждения династии Шейбанидов. К узбекским племенам примкнули (хотя они и сохраняли по отношению к ним некоторую дистанцию) некоторые монгольские, огузские и другие степные роды и племена, которые проникли в регион до Шейбанидов или после них. Часть из примкнувших, например, монгольские племена чагатай, джалаир, барлос и другие, постепенно тюркизировались, усвоив тюркские наречия и приняв ислам, иные, более древние тюркские племена – огузы, уйгуры, карлуки, кипчаки – сами способствовали тюркизации названных выше племен и самих даштикипчакских узбеков, поскольку являлись носителями наречий, впоследствии утвердившихся в регионе и усвоенных другими племенами.

О сложности процессов взаимодействия между различными типами тюркских и тюрко-монгольских племен говорит нестабильность именного состава сообщества узбекских племен¹⁴. Это вызвано такими, отчасти отмеченными выше причинами, как слияние, деление племен, присоединение новых из числа чагатайских, огузских и степных, а также исчезновение некоторых из родов путем их миграции, растворения в других родах. Так, неизвестна дальнейшая судьба байлы, имчи, таймас, тубай, участвовавших в племенном союзе под руководством Абулхаира. Или, к примеру, в списках по районированию 1924 г. нет некоторых племен, зафиксированных Г. Вамбери в 1865 г., – уйшун, айбет, ачмайли, багурлю, кист, биркулак, каракурсак, кеттекесер, кулан. Список подобных несоответствий можно продолжить. Возможной их причиной являются также расхождения в произношении имен. Например, род каучин можно распознать также по названию *куччи*, но это всего-навсего предположение и требует специального изучения.

Чагатайские и другие дошейбанидские тюркские племена. Ко времени образования узбекской конфедерации племен в самом Мавераннахре в пределах Чагатайского улуса утвердилась династия Тимуридов, которая попеременно вступала то в союзы, то в конфликты с узбекскими племенами из Золотой Орды, при этом имея дело главным образом с Белой Ордой. Чагатайский улус в силу ряда причин отличался, по сравнению с Золотой Ордой, более высоким уровнем развития городской и земледельческой культуры. Население Мавераннахра в тот период состояло из двух основных частей – персо- и тюркоязычного, с некоторой примесью монгольского элемента. Все эти компоненты находились в процессе взаимной культурной ассимиляции, хотя часть тюркских и тюрко-монгольских племен вплоть до конца XIX столетия сохранила свои этнородовую идентичность и частично полукочевой образ жизни. К этим племенам относятся карлуки, джалаиры, барлос, каучин, орлат, турки, мусобозори, калгатай, могул и некоторые другие. Карлуки еще в X–XI вв. проникли вместе с родственными племенами чигилей, ягма, тухси, аргу в Мавераннахр и утвердились здесь при Караханидах. С разгромом последних Сельджуками в XI столетии в регионе появились племена огузов, часть из которых также вступила в процесс взаимной ассимиляции с местным населением.

В XIII в. регионом овладели монголы во главе с Чингисханом, который оставил правителем этой части Монгольской империи своего сына Чагатая. Ставка его находилась в долине р. Или, т.е. в значительной отдаленности от Средней Азии, а непосредственно культурной областью Мавераннахра управляли представители местной аристократии – сначала хорезмиец Махмуд Ялавач, затем его сын Масуд-бек, а

также ряд последующих правителей, осуществлявших руководство от имени кого-либо из Чагатаидов¹⁵.

С этого времени началось проникновение монгольских родов джалаир, барлос, каучин, орлат и других, которые в результате интенсивных контактов с более цивилизованным местным населением подверглись ассимиляции и тюркизации. В XIV в. выходец из племени барлос Тимур, победив представителей Чагатайского улуса, основал собственную династию, которая просуществовала до нашествия в регион кочевых даштикипчакских узбеков. Аналогично тому, как подданные Золотой Орды (в дальнейшем только Белой Орды) во время и после правления Узбек-хана стали называться узбеками, так и жители Средней Азии в период расцвета и упадка Чагатайского улуса, независимо от их этнической или племенной принадлежности, стали именоваться чагатаями. Этот термин оказался для всех народов, находившихся под началом Чагатайского улуса, собирательным этнонимом, подчеркивавшим прежде всего их отличие от народов, бывших под началом других монгольских улусов, в том числе Узбекского. Так что слово “чагатай” сперва означало нечто оппозиционное термину “узбек”. В последующем они по своим значениям стали смешиваться друг с другом и достигли тождества только ко второй половине XX столетия.

В период династии Тимуридов окончательно сложилась так называемая чагатайская культура, в первую очередь чагатайский литературный язык, канонизированный поэтом Алишером Навои, выходцем из племени барлос. Носителем этой культуры было в основном население городов, состоявшее из перешедших к оседлому образу жизни представителей бывших тюркских племен, а также из тюркизированного персоязычного населения, большая часть которого получила наименование *сарты*. Создатели чагатайской литературы Бабур и Навои в своих исторических трудах отмечали существование сартов наряду с другими народами, населявшими регион, но себя не относили к ним. Тем не менее именно сарты в последующем оказались проводниками чагатайской культуры и чагатайского языка, получившего позднее название языка *тюрки*.

Таким образом, наследие эпохи Чагатаидов воплотилось не столько в народностях, именовавших себя чагатаями (таких родов и племен к началу XX столетия оставалось немного), сколько в насыщенной культуре – высокоразвитых языке и литературе, которые стали в своей основе доминирующими в Мавераннахре. “Чагатай”, как было отмечено выше, – собирательное для всех народов Мавераннахра имя. Но после изгнания Тимуридов ареал использования этого слова стал сужаться: часть чагатайских народов и племен стала переходить или в сообщество узбекских племен, что характерно прежде всего для территории, охватываемой Зарафшанским бассейном (районы Самарканда, Кашкадарьи и Сурхандарьи), или в категорию сартов, что более характерно для территорий, охватываемых бассейном Сырдарьи. Это неудивительно, поскольку именно районы Самарканда, Шахрисабза, Карши были средоточием чагатайских тюрко-монгольских племен¹⁶. К концу XIX в. остатки именно этих племен, как правило, сохранили полукочевой образ жизни и скотоводство как главный источник существования, а также дуальную родо-племенную идентичность – принадлежность к своему роду и одновременно к сообществу узбекских племен.

Среди 20 наиболее крупных узбекских родов А.Д. Гребенкин отмечал “чагатайские” роды джалаир и тюрк, обитавших в Зарафшанском округе¹⁷. В 1924 г. комиссия по национально-территориальному районированию во главе с И. Магидовичем зафиксировала на территории Бухарского ханства следующие бывшие монгольские и тюрко-монгольские чагатайские племена¹⁸: барлос в количестве 8720 человек, джалаир (4550), кальтатай (1605), кутчи, или каучин (6110), карлуки (9410), муса-базари (4750), тюрк (6845), чагатай (5810), буркут (3530), могол, или могул (2355), джата, или джете (145), черазы, или джераз (400 человек).

Из указанных племенных групп барлос, калтатай, муса-базари и тюрк относили себя к племенному союзу по имени последнего из них (тюрк). Аналогичное расселение этого племенного союза имело место в Ферганской области, по крайней мере, ко времени национально-территориального районирования. Так, в 1917 г. в этом регионе было зарегистрировано 7163¹⁹ представителя тюрк, а в 1926 г. – 24 279²⁰. Не все члены этого племени, по данным М.С. Андреева, проводившего полевые работы в Самаркандской области в 1921 г., признавали себя узбеками²¹. Представители этого племени даже в более поздний советский период сохраняли ярко выраженную племенную идентичность²², тем не менее в 1924 г. они не были выделены в самостоятельную национальность.

Сарты. Категория сартов представляла собой крупнейший наряду с даштикипчакскими узбеками компонент, вошедший в состав современной узбекской нации. Однако относительно их идентичности и этногенеза среди исследователей Центральной Азии до сих пор имеются принципиальные расхождения. Всех исследователей, писавших о сартах, можно условно разделить на три группы в соответствии с отстаиваемыми ими позициями.

Первая группа, к которой можно отнести Г. Вамбери, В. Радлова, В. Бартольда, Ю. Брегея, Н. Остроумова и ряд других востоковедов, признает как само существование сартов, так и наличие у них особой этнической идентичности. При этом делаются ссылки на памятник уйгурской письменности “Кутадгу Билик” Махмуда Кашгарского и другие древние источники – Бабура, Алишера Навои, Абу-л Гази и т.д., а также на свидетельства, хотя и немногочисленные, использования частью местного населения термина “сарты” в качестве самоназвания. Наиболее обстоятельную и аргументированную точку зрения в пользу обоснованности использования термина “сарт” высказал В. Бартольд в своей одноименной статье для “Энциклопедии ислама”²³. Вкратце позиция Бартольда заключается в следующем: понятие “сарт” имеет довольно древнюю историю; первоначально оно абсолютно не носило этнического оттенка, а обозначало определенную социальную категорию (купцов); со временем значение термина претерпело значительные изменения, отражая сложный процесс историко-культурной эволюции народов региона; в последующем оно стало все более приобретать этнический оттенок и ставиться в один ряд с такими этническими и протоэтническими категориями, как “узбек”, “туркмен”, “таджик”; выделялся даже особый “сартский” язык.

Ко второй группе исследователей, касавшихся темы сартов, можно отнести российских востоковедов, которые, не отрицая обоснованности применения этнонима “сарт”, тем не менее подчеркивали этническую неопределенность этого термина и на рубеже XIX–XX вв. были склонны объединять их с узбеками. К этой группе относятся В. Наливкин, И. Магидович и др. Первый, например, указывает на социокультурную разницу между кочевыми и осевшими узбеками как на первопричину появления в обиходе слова “сарт”. Он считает, что это слово применялось сначала по отношению к осевшим узбекам, а затем “распространилось на все вообще оседлое туземное население, т.е. одинаково на оседлых узбеков, так равно и на таджиков”. “Нередко случается и теперь слышать в разговоре, – пишет он, – что такой-то киргиз сделался сартом...”²⁴. Вместе с тем этот исследователь термин “узбек” понимает довольно расширительно, включая в него наряду с действительно узбекскими племенами также казахов и кыргызов, т.е. отождествляя его с понятием “тюрк”. В этой связи он пишет следующее: “В расовом или племенном отношении оседлое население Ферганы, носящее общее название сартов, состоит из узбеков (или тюрков) и таджиков. Сарты-узбеки, говорящие на тюркском языке, суть прежние кочевники узбекских родов *кыргыз, быгыш, кичак, каракалпак, курама, минг, юз, кырк* и др., осевшие здесь в разное время и принявшие земледельческий культ местных аборигенов – таджиков...”²⁵.

Что касается И. Магидовича, то он стремился убедить читателя в том, что к началу XX столетия различия между узбеками и сартами, в силу перехода первых к оседлому образу жизни, оказались настолько зыбкими и неопределенными, что настала пора регистрировать тех и других как одну народность. Еще по данным 1920 г. он признавал наличие и сартов, и узбеков в качестве отдельных общностей, правда, при этом писал, что сарты почти слились с узбеками²⁶. Но в сведениях комиссии по национально-территориальному районированию категория сартов исчезает. Что-то (возможно, заказ партии большевиков или стремление технически упростить учет населения) заставляло его манипулировать статистическими данными, выдавая наблюдавшуюся тенденцию к сближению узбекских племен и сартов за уже завершившийся процесс их слияния. О предвзятости его позиции свидетельствует ссылка на отчет о деятельности Совета народных комиссаров и Экономического совета Туркеспублики на 1 октября 1922 г., в которой говорится: после разработки данных переписи 1920 г. о национальном составе населения юго-восточной части Туркестана стало ясно, что «отличать сартов от узбеков и подсчитывать, сколько зарегистрировано тех и других, – значило бы фиксировать такое деление, которого в действительности не существует...», что «жизнь стирает ту грань, которая была раньше (если была) между этими двумя «народностями» и полное слияние их окажется вопросом не очень отдаленного будущего...» и что, наконец, «название «сарт» совершенно исчезнет, поглощенное понятием «узбек»...». После этого И. Магидович заключает: «Вопрос этот, «уже взвешенный судьбою», был разрешен историей через два года, когда была образована Узбекская республика. Но уже во время переписи 1923 г. в туркестанских городах термин «сарт» встречался очень редко, и местные жители прибегали к нему только, по-видимому, применяясь к пониманию русских регистраторов»²⁷. О причинах такой установки на объединение узбеков и сартов под знаком одного этнонима «узбеки» мы остановимся позже.

Наконец, третья группа лиц, участвовавших в дискуссии о сартах, состояла в основном из джаидов и близких к ним представителей местной интеллигенции – это Махмудходжа Бехбуди, Ш. Лапин и др. Они категорически отрицали обоснованность применения термина «сарт» в отношении населения Средней Азии. Впервые возражение против использования этого термина прозвучало из уст Ш. Лапина²⁸, казах по происхождению, работавшего в Самарканде переводчиком при областном военном губернаторе. По этому вопросу в 1894 г. между Лапиным и Бартольдом состоялась полемика, выразившаяся в серии статей, где оба автора отстаивали противоположные точки зрения относительно правомерности использования и значения термина «сарт». Позиция Ш. Лапина на страницах «Оренбургского листка» (№ 6), а также в публичной лекции (позднее она была опубликована в «Туркестанских ведомостях», № 36, 38, 39) заключалась в следующем: 1) слово «сарт» есть название всего туземного оседлого населения Средней Азии, без различия происхождения; 2) нет особого народа «сарты», как нет особого «сартовского языка»; 3) те оседлые туземцы, к которым главным образом русские востоковеды применяют наименование «сарт», есть народ, образовавшийся от узбекско-таджикского смешения, не присвоивший себе особого названия; 4) в таком случае следовало бы употреблять не слово «сарт», а «чала-узбек» (полу-узбек) или «чала-таджик» (полу-таджик); 5) язык, на котором говорит эта смесь, являющийся разновидностью тюркского языка с большим содержанием заимствованных иранизмов, правильнее всего называть ново-узбекским; 6) название «сарт» могло быть впервые дано кочевниками (казахами и кыргызами) и скорее всего происходит от оскорбительного выражения «сары-ит» (желтая собака).

Эта позиция была подвергнута критике В. Бартольдом в его статьях «О преподавании туземных наречий»²⁹ (газета «Окраина», № 19) и «Вместо ответа господину Лапину»³⁰ («Туркестанские ведомости», № 48). Он настаивал на том, что сарты представляют собой отдельную народность, этническую группу, которую неправомерно

путать ни с узбеками, ни с таджиками, хотя значение названия “сарт” менялось исторически: в XI в. турки называют сартами купцов, затем монголы в XII в. – вообще всех иранцев, в XIII в. – оседлых земледельцев, а также карлуков и хорезмийцев, а в начале XV в. – таджиков; далее тюрки в конце XV в. – вообще всех персов; узбеки в XVI в. – покоренные оседлые народы Мавераннахра без различия происхождения; узбеки и туркмены Хорезма в XVII в. – часть тюркского, преимущественно городского, населения, а также тюркские кочевые и полукочевые племена – тюркоязычное оседлое население, утерявшее свою родо-племенную принадлежность³¹.

К позиции Ш. Лапина близки туркестанские джадиды, в частности Махмудходжа Бехбуди, который в 1915 г. в издаваемом им журнале “Ойна” опубликовал две статьи – “Слово сарт неизвестно”³² и «Слово “сарт” не стало определенным»³³. Бехбуди, как и Лапин, резко возражает против использования оскорбительного, по его мнению, термина “сарт”, считая, что его привнесли северные народы – казахи, татары и русские³⁴. Главный аргумент Бехбуди состоит в том, что в Туркестане имеются только турки (узбеки, казахи и др.), таджики и арабы, среди узбеков – 92 племени, среди которых нет племени сартов. Правда, он признает, что в “Шейбани-наме” Мухаммада Солиха, в трудах Бабура, Навои и Абу-л Гази-хана сарты упоминаются как отдельная народность наряду с другими народами региона.

Вместо термина “сарт” Бехбуди предлагает использовать слова “туркестанец” или “мусульмане Туркестана”³⁵, чем выдает подлинные мотивы своих возражений против употребления слова “сарт”. В конце XIX – начале XX в. в среде интеллигенции Туркестана зарождается национальное самосознание, в значительной степени окрашенное в цвета пантюркизма и панисламизма и находившееся под влиянием движения младотурков в Оттоманской Турции. Тюркизм, по замыслу его идеологов и последователей в Средней Азии, служил как способом достижения единства народов Туркестана, так и средством пробуждения национального самосознания через апелляцию к “золотому веку” тюркских народов, каковым, по их представлениям, были XI–XVI вв. Поскольку тюркизм воспринимался джадидами как шанс обновления общества, то они старались всячески поощрять проявления тюркской идентичности и отвергали слово “сарт”, индифферентное по своему этноисторическому значению.

Таким образом, неприятие термина “сарт” джадидами имело отчетливую идеологическую подоплеку, выдававшую желание построить новую национальную идентичность при помощи культурно-исторических символов, наиболее подходящих для мобилизации населения Туркестана под знаменами национальной автономии.

Дискуссия о существовании сартов не утихла и после указанной полемики между джадидами и русскими востоковедами. Точку зрения первых уже после Второй мировой войны продолжал отстаивать находившийся в изгнании в Германии Боймирза Хаит. Он отрицал существование народа “сарт” и особого “сартовского языка” и, соответственно, выступал против использования термина “сарт” как этнонима, поскольку, якобы, этот термин был намеренно введен русскими, чтобы “постепенно расстроить таким способом национальное самосознание Туркестана”³⁶. На этот раз в полемику с представителем туркестанизма вступил один из учеников В. Бартольда – Ю. Брегель. В качестве аргумента в пользу обоснованности использования термина “сарт” он прибегнул к цитированию исторического труда Абу-л Гази-хана “Древо Тюрков” (Шаджараи-Турк). В этом произведении дается характеристика Хорезма конца XVII в., где наряду с узбеками и туркменами как особая этническая группа фигурируют сарты³⁷.

Споры и расхождения между указанными тремя точками зрения на проблемы существования и идентичности сартов имели не только теоретическое, но и практическое значение. С одной стороны, они являлись отражением реальности, преломленным через призму широкого спектра социальных и мировоззренческих установок, –

от принципов научного пуризма (сущее) до политико-идеологических расчетов (должное). С другой стороны, имел место и обратный процесс: сами эти взгляды активно формировали то, что являлось объектом изучения – национальную идентичность узбеков, сартов и других народов региона.

Так, в формировании новых национальных республик в составе СССР и, соответственно, определении того, кого следует считать титульными нациями, в качестве исходного материала для принятия решений служили конкурирующие друг с другом представления тех же российских востоковедов, джадидов, а также советских политических функционеров об идентичности и этногенезе узбеков, сартов и других народов региона.

Под влиянием этих представлений, а также исходя из интересов укрепления советской власти в Туркестане, разрабатывалась и осуществлялась на практике национальная политика в регионе. В итоге было принято решение о национальном размежевании и создании национально-государственных образований по этноцентристскому принципу: какая-либо из национальностей становилась осевой, вокруг нее группировались национальные меньшинства со значительной квотой для представительства русского населения. Парадоксально то, что размежевание фактически предполагало слияние – объединение различных народностей и племен под единым собирательным именем, чтобы обеспечить численное превосходство титульной (осевой) нации. Для оправдания такой политики архитекторы новых национально-государственных образований ссылались на естественно-исторические процессы сближения узбеков и сартов, основанные на полном переходе даштикипчацких узбеков к оседлому образу жизни и стирании таким образом граней между теми и другими.

Если процесс сближения между сартами и узбеками и имел место, то он вряд ли мог происходить такими темпами, при которых к 1924 г. не осталось ни одного сарта. По этому поводу американский антрополог Дж. Шоберлайн-Энгел также выразил свое удивление: “Около 1,7 млн сартов Средней Азии не могли попросту исчезнуть за один день...”³⁸. Прежде всего можно предположить, что не только сарты могли в массовом порядке называться узбеками, но и часть узбеков, не знакомая из-за неграмотности с аргументами джадидов, могла пожелать стать сартами. Однако национальное размежевание показало только односторонний переход сартов в ряды узбеков и ни одного случая обратного перехода.

Если взглянуть на статистические данные, то они говорят о несколько ином направлении этнических процессов, нежели то, как их представлял И. Магидович. В этой связи проследим динамику численности узбеков и сартов на протяжении досоветского периода на примере трех областей дореволюционного Туркестана (см. табл.).

Динамика численности узбеков, сартов и таджиков, 1897–1914 гг.*

	Узбеки		Сарты		Таджики	
	1897	1914	1897	1914	1897	1914
Ферганская область, всего	153 780	30 000	788 989	1 320 000	114 081	115 000
Динамика 1897–1914, %		-80		+67		+1
Самаркандская область, всего	507 587	566 400	18 973	28 800	230 384	259 200
Динамика 1897–1914, %		+12		+59		+13
Сырдарьинская область, всего	64 235	37 000	144 275	426 000	5 557**	0
Динамика 1897–1914, %		-42		+195		-100

* *Источники:* Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 83. Самаркандская область. СПб., 1905; Т. 86. Сырдарьинская область. СПб., 1905; Т. 89. Ферганская область. СПб., 1904; *Лавров М.В.* Туркестан. География и история края. М., 1914.

** Вместе с туркменами.

Из приведенной выше таблицы видно, что темпы роста численности сартов, зафиксированные в период между 1897 и 1914 г., на несколько порядков превышают соответствующие темпы для узбеков и таджиков, так что, по крайней мере, по данным статистики, наблюдался переход из категории узбеков в категорию сартов. Это особо заметно по Ферганской области, где численность узбеков в указанный период сократилась на 80%, в то время как численность сартов возросла на 67%. Если бы мнение об оскорбительности слова “сарт” соответствовало действительности, то такой рост численности сартов вряд ли был возможен.

На самом деле, мнение об оскорбительности этого слова разделяли не все представители местной интеллигенции. Так, в упомянутой выше статье «Слово “сарт” не стало определенным» Бехбуди полемизирует с неким Мулло Абдуллабеком, автором статьи “Слово сарт известно” в газете “Садойи Фаргона” (№ 30). Последний пишет: «...мы должны радоваться и гордиться, если кто-то будет называть нас сартами. Сарт означает культурного опрятного “уламо” (ученого)...»³⁹.

Мнение об оскорбительности этого термина было распространено с легкой руки Ш. Лапина, который выступал как бы в роли эксперта относительно того, как воспринимают сартов среди казахов. Приведем мнение казахского просветителя Шакарима Кудайберды-улы (племянника Абая), который в 1911 г. писал о сартах: “Так называют казахи оседлые тюркские племена, населяющие восточный и западный Туркестан и говорящие на тюркском языке, а также отюреченных таджиков...”⁴⁰. В сочинении этого автора нет и намек на народную этимологию слова, распространенную, якобы, среди казахов. Так что оскорбительный смысл слова “сарт” можно отнести разве что к частным, а не к массовым проявлениям взаимоотношений сартов и кочевых народов. На основании только этой особенности взаимоотношений между оседлыми и кочевыми народами, конечно, неправомерно было делать вывод об изжитости этнонима, сформированного несколько столетий назад. Ссылка на оскорбительность слова “сарт” не может рассматриваться в качестве действительной причины отказа в регистрации этого этнонима. Причина лежит гораздо глубже. На самом деле причин несколько. Назовем только две из них.

По мнению ряда авторов, “сарты” – категория не только и не столько этническая, сколько социальная. В одних случаях к сартам относят бывших чагатайских и даштикипчакских узбеков, перешедших к оседлому образу жизни и утеревших свою родоплеменную принадлежность, в других – отюреченных таджиков. В любом случае, в понятии “сарт” сочетаются этнические и классовые характеристики. Сарты – это, как правило, городские жители, занятые ремеслом, торговлей, а также в нижних и средних эшелонах администрации и в образовательных учреждениях. Среди них относительно высока доля служителей культа, блюстителей закона. В сельской местности они заняты исключительно земледелием. По складу характера, поведенческим установкам, ценностным ориентациям, предприимчивости и даже по внешности они были схожи более с таджиками, чем с представителями узбекских племен, в основном занятых сельскохозяйственным трудом и скотоводством. В силу этой социально-экономической разницы между сартами и узбеками большевики были склонны сочувствовать скорее последним. Если сарты представляли собой питательную среду для “буржуазных националистов” и панисламистов, то сельские узбеки (если при этом вывести за рамки рассмотрения узбекскую родовую аристократию) больше подходили под категорию угнетенной бедноты, являвшейся, тем самым, естественным союзником Советов. Такой предвзятый взгляд на сартов и узбеков подтверждается описанием С. Асфендиарова от 1924 г.: «В центре кишлака – базар, где сосредоточиваются почтенные представители торгового капитала, посредствующего звена, соединяющего отсталый феодальный кишлак с промышленной метрополией. У них и лучшие усадьбы с тенистыми садами, прохладными хаузами. У них же лавки, чайханы, караван-сарай. В большинстве случаев, они выходцы из города.

Имеется их целая градация, начиная с крупного бая, нередко зимой проживающего в городе, а летом выезжающего в кишлак, “на дачу”. Они даже в национальном отношении отличаются от окружающего населения. Это так называемые “сарты” – термин, существовавший в истории в противовес кишлачному узбеку. На них исключительно опиралось царское правительство, создавая опору колониального режима. Они становились всеобъемлющими посредниками, они же проникали в низшую администрацию (аксакалы и мингбаши), они же являлись комиссионерами хлопковых фирм и крупных скупщиков хлопка...»⁴¹.

Вторая причина предпочтения этнонима “узбек” названию “сарт” кроется, вероятно, в следующем. Сарты менее подходили для статуса новой “социалистической нации”, поскольку, несмотря на свой относительно высокий культурный уровень, в гораздо меньшей степени, чем узбекские племена, обладали тем, что можно было бы назвать символическим капиталом⁴². Ассоциируясь с таджикским населением, сарты вполне справедливо воспринимались как принадлежащие к числу покоренных тюркскими племенами народов. По свидетельству Абу-л Гази, в Хорезме в конце XVII в. сарты составляли слой *райат* (подданные), а узбеки – *синах* (военное сословие), т. е. вторые стояли на ступень выше, по сравнению с первыми, в социально-политической иерархии⁴³. В багаже узбеков было больше национально-исторических символов их бывшей славы и величия, воплощенных, к примеру, в дастане Мухаммада Солиха “Шейбани-наме”. Сарты, напротив, не могли соотнести себя в прошлом ни с Шейбанидами, ни с Тимуридами. Таким образом, они оказывались без национальных святынь, без предметов национальной гордости и как бы вне истории вообще. Как мы видим, наличие символического капитала у даштикипчацких узбеков и чагатайских тюрок создавало более благоприятные условия для формирования именно узбекской идентичности.

Часть 2. Формирование современной узбекской идентичности

Обстоятельства образования Узбекской ССР

Было бы наивным представлять формирование узбекской нации только как “объективный” естественно-исторический процесс. На самом деле процесс формирования современной узбекской идентичности следует рассматривать в тесной взаимосвязи с образованием Узбекской ССР, а также в значительной степени как результат сложения усилий правящих и культурных элит. В числе наиболее активных участников процесса проектирования новой узбекской идентичности на начальном его этапе были три силы: джадиды, национал-коммунисты, в частности Т. Рыскулов и М. Султан-Галиев, и центральный партийно-политический аппарат, представленный прежде всего самим В.И. Лениным, а также Турккомиссией ЦК РКП(б), образованной в 1919 г. и распущенной в 1920 г.

Позиция джадидов, представленная Махмудходжой Бехбуди, А. Фитратом, Мунавваром Кори, Ф. Ходжаевым и другими, вытекала из двух обстоятельств. Будучи жителями городов и, следовательно, пропитанными городской культурой, сочетавшей в себе тюркские и персидские элементы, джадиды занимали дуальную позицию по национальному вопросу. С одной стороны, как мы указывали выше, они исповедовали тюркизм, провозглашая идею единого Туркестана. С другой стороны, рамки тюркизма, по их представлениям, были ограничены ареалом распространения чагатайского языка и литературы. Поскольку именно узбеки (наряду с сартами и чагатайскими тюрками) унаследовали этот язык и литературу, то идея единого Туркестана ограничивалась территорией обитания узбеков. Так, провозглашенная в конце 1917 г. в г. Коканде Туркестанская автономия и не претендовала на территории Се-

миречья или Прикаспия, ограничиваясь рамками всего лишь бывшего Кокандского ханства.

Довольно часто у джаидов слово “узбек” оказывалось синонимом этнонима “тюрк”. По их замыслу, этот термин должен был включать в себя все народы, говорящие на чагатайском языке. В последующем именно такое представление об узбекской идентичности было фактически реализовано при образовании Узбекской ССР, хотя официально это никогда не признавалось. Что было отвергнуто из наследия джаидов, так это тюркистская риторика, апология единого Туркестана. Да и сами джаиды, часть из которых была поначалу привлечена в советские государственные органы⁴⁴, оказались в итоге ненужными и подверглись в 1930-е годы репрессиям.

Другую, “объединительную” (в составе всех тюркских народов), версию формирования национальной государственности отстаивали национал-коммунисты Т. Рыскулов и М.Х. Султан-Галиев. Последний совместно с татарским джаидом Ахмадом Заки Валиди Тоганом вынашивал идею создания государства Туран, в которое на федеративных началах вошли бы Туркестан, Казахстан, Кашгария, Хива, Бухара, тюркские части Афганистана и Ирана⁴⁵. За пропаганду этой идеи Султан-Галиев был исключен из партии, а в 1939 г. расстрелян.

Политическая карьера Т. Рыскулова была более долгой, поскольку его вариант “объединительного” варианта носил более умеренный характер. В 1920 г. он инициировал принятие на III Краевой мусульманской конференции РКП(б) резолюции, в которой говорилось о необходимости “...провести агитацию идеи уничтожения стремления тюркских народностей делиться, по существу, на названия: татары, киргизы, башкиры, узбеки и т.д., и составлять отдельные мелкие республики, а объединить в целях сплоченности и привлечения других тюркских народностей, не входящих в состав РСФСР, вокруг тюркской советской республики...”⁴⁶. В том же 1920 г. он активно продвигал проект единой Туркестанской Автономной Советской Республики в составе Российской Социалистической Федерации. Если бы этот проект оказался принят, то, очевидно, профиль узбекской национальности в рамках иной государственно-политической конфигурации был бы иным, чем он диктовался статусом титульной нации в связи с образованием Узбекской ССР. Однако Ленин отверг проект Рыскулова, приняв за основу решения национального вопроса в Туркестане проект Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР, в состав которой входили Ш. Элиава, Г. Бокий, Ф. Голощекин, В. Куйбышев, Я. Рудзутак и М. Фрунзе.

Турккомиссия предложила, в числе прочего, согласование и размежевание интересов отдельных национальных образований в Туркестане⁴⁷. При этом немаловажную роль сыграла, по всей видимости, докладная записка работника Турккомиссии Г. Бройдо⁴⁸. Он больше всего внимания уделил существовавшим межнациональным противоречиям и конфликтам в регионе, особенно между узбеками и туркменами в Хорезме, куда он был послан как эксперт по национальным вопросам.

Приняв предложение Турккомиссии, Ленин 13 июня 1920 г. сделал следующие замечания по проекту решения ЦК “О задачах РКП(б) в Туркестане”: “1) Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию и Туркмению. 2) Детально выяснить условия слияния или разделения этих трех частей...”⁴⁹. Фактически был дан “зеленый свет” для национального размежевания, а также для образования в числе других национального государственного образования (“Узбекия”), основанного на признании узбеков как титульной нации.

Казалось бы, Ленин пошел на более радикальный вариант, чем национал-коммунисты, – на создание не автономных, а юридически самостоятельных национальных республик в составе Союза ССР, с правом выхода из него. Но этот шаг, скорее всего, преследовал цель “убить двух зайцев” одновременно. С одной стороны, он был рассчитан на достижение должного отклика в азиатских колониальных владениях Великобритании. С другой стороны, этот шаг был призван нейтрализовать национа-

листически настроенные местные элиты, которым под эгидой борьбы с панисламизмом и пантюркизмом как “буржуазно-националистическим движениям” объявлялась война⁵⁰. Именно с этого момента джаиды и национал-уклонисты были обречены носить клеймо врагов советской власти в Туркестане.

Теперь для того чтобы создать “Узбекию”, следовало обеспечить титульный статус узбекам. Это могло быть возможным только в том случае, если бы они составили большинство на отведенной республике территории. В действительности узбеки, по данным дореволюционной статистики, являлись большинством только на территории бывших Хивинского ханства и Бухарского эмирата, а также в Самаркандской области. В Сырдарьинской и Ферганской областях они по численности следовали за сартами. Поэтому позитивно было встречено требование, исходившее из лагеря джаидов, о переименовании сартов в узбеков, что и удалось осуществить в короткий срок между 1920 и 1924 г. Во Всесоюзной переписи населения 1926 г. уже не значилось ни одного сарта.

Канонизация языка и национальных символов

Новоузбекский язык

Создание узбекского национального государственного образования, отведение для него соответствующей территории и обеспечение большинства лиц узбекской национальности в его составе было необходимым, но недостаточным условием для формирования новой узбекской идентичности. Для завершения этого процесса следовало еще сформировать и соответствующее национальное самосознание. До момента образования Узбекской ССР национальным самосознанием обладала только узкая прослойка городского населения, главным образом местной интеллигенции, купечества и духовенства. Но советская власть испытывала недоверие и даже вражду по отношению к этим социальным слоям населения. Поэтому необходимо было внедрить в широкие массы населения представление о себе как о нации, имеющей собственные культуру и язык, историю и национальных героев. Это стало возможным посредством кодификации узбекского языка и разработки национальных символов, а также их распространения по всей территории республики, что предполагало достижение поголовной грамотности.

Согласно Б. Андерсену⁵¹, который несколько смягчил позицию Э. Геллнера, считавшего нацию объектом волюнтаристского модернистского образования⁵², нация как воображаемое сообщество, имеющее общие символы, историю и судьбу, формируется в условиях печатного капитализма, компонентами которого являются массовое печатное производство (как разновидность бизнеса, приносящего прибыль), требующее создания унифицированного национального языка, и посредством этого – расширения читательской аудитории, т.е. рынка печатной продукции. Возьмем для примера Германию, где возникновение единой нации относилось к концу XIX – началу XX в. и было стимулировано, по крайней мере, двумя процессами – созданием парламента в 1870 г. и бурным развитием издательского бизнеса. В одном только Лейпциге на рубеже XIX–XX вв. насчитывалось 200 типографий. В 1927 г. их число достигло 400. Лейпциг, таким образом, благодаря своим типографиям и торговым ярмаркам стал своего рода кузницей немецкой нации.

Аналогичные процессы происходили и в Средней Азии эпохи строящегося социализма. Приведем некоторые данные о состоянии полиграфической промышленности в 1920 г. В Туркестанской республике в то время насчитывалось всего 44 полиграфических предприятия, в которых было занято 1185 человек⁵³. Хотя эти цифры не идут ни в какое сравнение не только с Германией, но даже с Россией, все же они указывают на значительный рост издательского бизнеса в начале XX столетия. Если в 1913 г. во всем Туркестане было издано 56 наименований книг общим тиражом

118 тыс. экземпляров, при этом на тюрки – соответственно 37 и 86 тыс., то в 1925 г. в одном Узбекистане показатели составили соответственно – 334 наименования общим тиражом 1,5 млн. В 1940 г. уже было издано 1200 наименований общим тиражом более 11 млн⁵⁴. Тем не менее даже сегодня показатели издательской деятельности в Узбекистане отстают от германских начала XX в.: по состоянию на 2004 г. в республике насчитывается всего 58 государственных и коммерческих издательств и 915 типографий⁵⁵.

Несмотря на явное отставание от процессов формирования современных европейских наций, в Узбекистане явно складывались предпосылки для возникновения феномена нации-государства. Достижение грамотности, кодификация национальных языков, усвоение русского языка создавали условия для распространения печатной продукции, которая, в свою очередь, продуцировала национальные и политические символы, формировала мотивы поведения, чувство идентичности, а посредством этого обеспечивала воспроизводство системы социализма в целом.

Непосредственно до и сразу после образования Узбекской ССР не было еще ясно, какое наречие узбекского языка целесообразно принять в качестве основы новоузбекского языка. На тот момент существовало и до сих пор в узбекском языке существуют три основных наречия: огузское, кипчакское и карлукское⁵⁶.

Опорным диалектом узбекского литературного языка являются ташкентская и ферганская группы говоров⁵⁷, т.е. карлукское наречие. Последнее сформировалось в эпоху Караханидов в X–XI вв. и легло в основу чагатайского языка, кодифицированного Алишером Навои. В современной филологии и общепринятой в Узбекистане терминологии термин “чагатайский” почти не используется. Вместо него применяется термин “староузбекский”, что затушевывает действительные исторические корни современного узбекского языка. Признание чагатайского наследия означало бы признание иранизмов в современном узбекском языке, а также возвышало бы роль сартов как носителей чагатайского языка в дореволюционный период.

Согласно Е. Поливанову, с точки зрения степени заимствования из персидского языка, тюркские наречия, распространенные на территории Средней Азии до XX в., можно разбить на две группы: иранизированные “несингармонические” диалекты, на которых до 1920-х годов говорили преимущественно сарты, и неиранизированные, “сингармонические” диалекты, на которых говорила значительная часть узбеков до момента их слияния с сартами⁵⁸. Первая из указанных групп диалектов, характеризующихся как среднеузбекские говоры, практически совпадает с ареалом распространения карлукского наречия. Для нее характерно отсутствие гармонии гласных, всего в ней содержится шесть гласных фонем (*a, æ, э, y, o, a*). Вторая группа сингармонических диалектов отличается наличием от восьми до девяти гласных, и распадается на две подгруппы: 1) “йокающую”, или северо-западную подгруппу (южнохорезмские говоры и южноказахстанские говоры Туркестана, Чимкента, Кара-Булака, Манкента и др.), которая, кроме общих признаков, характеризуется наличием начального согласного *й*, например, в словах *йол* (дорога), *йан* (бок), и 2) “джокающую”, или южную подгруппу (говоры долины Кашкадарьи, Самаркандской обл., отдельных районов Узбекистана), для которой характерно начальное согласное *дж* вместо *й*, например, *джол* (дорога), *джан* (жок)⁵⁹.

Несингармонические диалекты были языком преимущественно городского, а значит, в значительной мере сартовского населения. В XIX в. часто использовался термин *сарт-тили*, который рассматривался в качестве разновидности языка тюрки. Причем под тюрки подразумевалось в первую очередь чагатайское наречие. К концу XIX в. термин “чагатайский” стал выходить из употребления, все чаще заменяясь словами “узбекский” или “тюркский”. Данное употребление слов *тюрки* и *узбек* допускали главным образом джадиды. Таким образом, можно говорить о том,

что современные узбекские культура и язык по своей сути – “сартовские”, в то время как этноним – узбекский.

Можно предположить, что если бы архитекторы новоузбекской идентичности и языка пожелали положить в основу литературного узбекского языка чистые тюркские диалекты, то следовало бы выбрать какой-либо из существовавших огузо-кипчакских сингармонических диалектов, которым, к примеру, в XII в. пользовался в своих произведениях Ходжи Ахмет Яссави⁶⁰. Однако в итоге возобладал прочагатайский “проект” кодификации новоузбекского языка, лоббируемый джадидами, особенно А. Фитратом, лишь с некоторыми заимствованиями из огузского и кипчакского диалектов. В 1925 г. Фитрат издал учебник “Морфология”, в основе которого лежал чагатайский литературный язык⁶¹. Выбор им именно прочагатайского варианта далеко не случаен.

А. Фитрат, как и многие джадиды, принадлежал к кругам интеллигенции, которых (особенно в Самарканде и Бухаре) отличал билингвизм. Он был не просто двуязычным писателем, но патриотом обеих литератур – персидской и чагатайской. Так, после образования в 1928 г. Таджикской ССР его пригласил туда С. Айни для аналогичной (что и в Узбекистане) работы по формированию и кодификации таджикского языка⁶². Предпочтение чагатайского языка другим тюркским наречиям было вызвано его восхищением образцами чагатайской литературы, уровень которой, как он считал, так и не был впоследствии достигнут собственно узбекскими поэтами⁶³. Видимо, поэтому И. Балдауф называет Фитрата персонификацией “чагатайской национальности”⁶⁴.

Несмотря на очевидные преимущества чагатайского языка, проект кодификации узбекского языка, выдвинутый Фитратом, первоначально не приняли. К нему де-факто вернулись позже, в связи с санкционированной из Москвы реабилитацией наследия Тимуридов. Этот поворот к чагатайскому наследию сочетался с политикой русификации национальных республик, в частности, национальных алфавитов. Первоначально в 1927 г. Узбекистану был навязан латинский алфавит, что тоже можно рассматривать как видимую уступку пантюркистам. В действительности это было лишь прелюдией к введению в 1939 г. алфавита, основанного на кириллице. Очевидной целью обеих реформ являлась нейтрализация местных националистов и отсеечение народов Средней Азии как от арабо-персидского культурного прошлого, так в конечном счете и от мусульман других стран.

После удаления с политической арены последних джадидов началась политика русификации национальных республик. Грамматика узбекского языка была модифицирована по образцу русского языка: вводились шесть падежей прилагательных, в словарь узбекского языка стали искусственно инкорпорироваться русские слова вместо существовавших узбекских, например, “идеология” вместо “мафкура”, “идея” вместо “гоя”, “анализ” вместо “тахлил” и т.д.⁶⁵.

Национальные символы

После решения вопроса о кодификации узбекского языка второй по значимости задачей стояла канонизация национальной истории, и здесь не обошлось без патронажа со стороны российских востоковедов, историков, этнографов и краеведов. Будем всех их в дальнейшем называть востоковедами, подразумевая тех из них, кто специализировался по Средней Азии.

Следует признать, что вклад российской школы востоковедения до революционной эпохи был неоченим, хотя ее и отличал порой налет имперского миссионерства, что-то вроде миссии “белого человека”. Природа российского востоковедения после событий 1917 г., а особенно после национального размежевания, несколько изменилась. Российские востоковеды и до этого пользовались покровительством колониаль-

ных властей: так, почетным председателем Туркестанского кружка любителей археологии в 1910 г. был генерал-губернатор А. Самсонов⁶⁶. После же революции востоковедение, как и остальные общественные науки, превратилось в служанку партии и государства, один из проводников национальной политики Советов. Те, кто не вполне вписывался в рамки партийных установок, подвергались репрессиям или изгонялись из центральных академических институтов. Судьбу гонимых разделили А. Семенов, М. Андреев, Ю. Брегель, нашедшие приют (и благодаря этому выжившие) в отдаленных уголках страны.

В какой-то степени традиции научного пуризма, культивировавшиеся “зубрами” российского востоковедения, и впоследствии сохранялись и поддерживались самими учеными, но в то же время ни одна полевая экспедиция уже не могла быть осуществлена без санкции и организационно-административной поддержки со стороны партийных органов. А они давали такую санкцию только в том случае, если задачи и результаты исследований отвечали или, по крайней мере, не выходили за рамки генеральной линии партии по национальному вопросу.

Мы делаем это отступление о российском и советском востоковедении потому, что в данном случае, как и в других современных обществах, существует тесная связь между властью, гуманитарными науками и национальной идентичностью. Зависимость гуманитарного знания от власти раскрыта в работе М. Фуко “Археология знания”⁶⁷, где отслеживаются взаимоотношения по цепочке: власть – режимы истины – знание – верования – практика. Аналогичным образом роль советских востоковедов являлась одной из ключевых в проекции интересов государства на формирование современной узбекской идентичности в приемлемой для власти конфигурации.

Можно указать по меньшей мере на три исторических момента, когда советские востоковеды сыграли важную обслуживающую роль в проведении генеральной линии партии и государства по национальному вопросу. Первым из них была работа комиссии по национально-территориальному районированию в 1924 г. Тогда с подачи И. Магидовича и возглавляемого им коллектива был очерчен профиль современной узбекской нации, ее этнический и родо-племенной состав. Вторым историческим моментом была деятельность акад. А. Якубовского по канонизации узбекской национальной истории, о чем речь пойдет ниже. Наконец, третьим моментом являлся исторический рубеж, связанный с возникшими у центральных органов партии в середине 1950-х годов первыми признаками беспокойства относительно роста узбекского национализма. В ответ на его проявления партия дала зеленый свет тем этнографическим исследованиям, которые поставили бы под сомнение монолитность современной узбекской нации, а также правомерность включения в нее некоторых этнических групп, таких как *тюрк* или *кипчак*. Вопрос не в том, имеются ли основания для подобных сомнений, а в том, что выражение таких сомнений было, скорее всего, срежиссировано центральными органами партии, чутко улавливавшими настроения национальных элит.

Остановимся подробнее на втором историческом моменте, связанном с деятельностью А. Якубовского по селективному формированию “узбекской истории”. Его брошюра под названием “К вопросу об этногенезе узбекского народа”⁶⁸ была издана в 1941 г. под эгидой юбилейного комитета Навои при СНК УзССР. Появление брошюры именно в указанное время далеко не случайно. Это было начало войны СССР с фашистской Германией, когда Красная Армия потерпела серию жестоких поражений. Одной из их причин являлся, скорее всего, низкий моральный дух армии. Расово-националистической идеологии фашизма противостояла классовая идеология коммунизма, значительно потускневшая после уничтожения большевистской элиты – так называемой ленинской гвардии. После насильственной коллективизации и массового голода кочевых народов в 1930-е годы, после десятилетия массовых

репрессий, особенно против национальных кадров, Сталин почувствовал слабость своих тылов и, отвечая на вызов трудностей мобилизации населения на борьбу с немецкой оккупацией, был вынужден кардинально пересмотреть государственную идеологию в целом и национальную политику в частности. Классовый подход как главный компонент генеральной линии партии стал постепенно замещаться идеологией советского патриотизма. Последний, в свою очередь, тесно увязывался с национальным фактором – локальным патриотизмом национальных республик, краев и областей.

Частью этой новой внутренней политики была постановка двуединой задачи: с одной стороны, поощрить проявление национальных чувств населения окраин, а с другой – содействовать идее и лозунгу единства и дружбы народов, населяющих Советский Союз. Поскольку особое беспокойство Сталина вызывала неблагонадежность народов Средней Азии, то появление в этот момент статьи советского историка А. Якубовского было весьма кстати.

Якубовский предложил окончательно покончить с этимолого-исторической связью понятия “узбек” (в современном его понимании) с даштикипчакскими корнями. Он писал по этому поводу: “В течение долгого времени господствовал неизжитый до наших дней взгляд, согласно которому узбекский народ ведет свое существование от кочевников-узбеков, начавших проникать в Среднюю Азию в XV в. и завоевавших ее всю под предводительством Шейбани-хана лишь в начале XVI в...”⁶⁹. Тем самым затушевывалось значение золотоордынского этапа в формировании узбекского этноса. Отвергая идентификацию истории народа с историей его этнонима, он утверждал, что узбекский народ в своей основе сформировался еще до нашествия Шейбанидов в Среднюю Азию. Миграция даштикипчакских узбеков, согласно его концепции, лишь завершала процесс создания узбекского народа, основу которого заложили ранние и чагатайские тюрки.

Логика подхода А. Якубовского заключалась в том, чтобы “отличать условия формирования того или иного народа от истории его имени”. Как следствие применения этой логики в оборот вводился термин “староузбекский” для обозначения дошейбанидского периода. “Не дает ли вышеизложенное права на то, – писал историк, – чтобы, преодолев чисто формалистические соображения имени “узбеки”, обозначить термином “староузбекский” все тюркское прошлое на территории Узбекистана до XVI в.? Нам кажется, что дает...”⁷⁰.

Данный терминологический трюизм заключался в периодизации исторического прошлого, в результате которого история превращалась в телеологический процесс формирования узбекского народа. Суть такого подхода сводилась к селективной структуризации прошлого в соответствии с нуждами сегодняшнего дня, в результате которого прошлое начинало работать на настоящее, в данном случае служить оправданием текущей национальной политики, в частности, практики социальной инженерии по слиянию и расчленению национально-этнических общностей и территорий.

После интеграции разных по идентичности этнических групп в единую категорию узбеков, проделанной в 1924 г., логически следовал второй этап – аналогичного рода произвольное объединение разнородных исторических эпох под знаком формирования узбекской народности. Тем самым Якубовский, безусловно, совершал существенную услугу фактическим и потенциальным великодержавным национал-патриотам, которые могли ощущать нужду во включении наследия доузбекского исторического прошлого в символический капитал нации.

Здесь важно отметить, что по логике великодержавного национал-патриотизма, чем древнее и величественнее история данного народа, тем сильнее его национальное самосознание. Причем последнее важно в первую очередь для правящих элит, присваивающих себе право говорить от имени национальных символов и историчес-

кого прошлого народа. Чем весомее этот символический капитал, тем легитимнее власть, контролирующая его. Власть в конечном счете выступает персонификацией символического капитала, который она сама вместе с подручной академической и культурной элитой и создает. Именно в контексте такого союза власти и национально-культурных элит и следует оценивать вклад А. Якубовского в разработку этногенеза узбекского народа.

Второй (и первой по значимости) сверхзадачей концепции Якубовского было облуживание нужд формирующегося советского патриотизма, основанного на лозунге дружбы народов и исторической роли русского народа как старшего брата всех остальных народов СССР. Предлагая в качестве национальных символов наследие Тимуридов, а не эпоху Золотой Орды, Якубовский тем самым обеспечивал бесконфликтность взаимоотношений народов Туркестана и России в историческом прошлом: ведь Тимур мог быть рассматриваем в качестве естественного союзника Московской Руси в противостоянии Золотой Орде.

Сходной оценки причин забвения Якубовским наследия эпохи Шейбанидов придерживается Э. Олворт, который в книге “Современные узбеки” пишет, что эта ревизия истории Средней Азии, усиленная марксистскими спекуляциями, коренится в предубеждениях русского национал-патриотизма относительно Золотой Орды, воплощенных в понятии “татаро-монгольское иго”, которое ранит национальное самосознание русского патриота⁷¹. О том, что такое предубеждение построено на ложных исторических стереотипах и что на самом деле отношения между Московской Русью и Золотой Ордой были не столько конфликтными, сколько партнерскими, позже напишет другой русский историк Л. Гумилев⁷², а выдающийся кинорежиссер А. Тарковский снимет фильм “Андрей Рублев”. Но это будет уже запоздалое признание наличия тюркских элементов в русском этносе и российской культуре.

“Гениальность” формулы историко-национальной идентичности узбеков, предложенной Якубовским, заключалась в том, что она удовлетворяла все заинтересованные стороны. В то же время ее можно рассматривать как плагиат: фактически она воспроизводила взгляды джаидов, которые первыми осуществили попытку консолидации истории народов Туркестана под знаком созвездия эпох Тимуридов, Чингисхана и домонгольского периода. Так, А. Фитрат в своем стихотворении “Печаль по родине” идентифицирует родину с колыбелью героев прошлого, таких как Чингисхан, Тимур, Атилла (героическая фигура народа хунну в IV в.)⁷³. Как бы то ни было, концепцию Якубовского достойно оценили и в Москве, и в Ташкенте и приняли в качестве основополагающей парадигмы для последующей канонизации истории узбекского народа. Но это произошло не сразу.

Даже в послевоенный период, по всей видимости, в советской академической среде еще не утихли дискуссии относительно исторического места Шейбанидов и их роли в формировании узбекской народности. В 1947–1950 гг. вышло двухтомное издание “История народов Узбекистана”⁷⁴, подготовка к печати и публикация которого носили оттенок детективной истории. Второй том издания, содержание которого начинается с эпохи Шейбанидов, вышел первым – в 1947 г. Создается впечатление, что авторы тома (редакторы – С. Бахрушин и др.) спешили с его выпуском, ожидая возражений от Якубовского, на что были основания: в вводной статье этого тома, посвященной историографии народов Узбекистана, в качестве важнейших источников называются труды В. Бартольда, А. Семенова и П. Иванова, которые именно эпоху Шейбанидов рассматривали как время зарождения узбекской идентичности.

Чтобы исправить создавшееся положение, Якубовский сопроводил первый том, вышедший позже, в 1950 г., своим предисловием, в котором еще раз утверждалось, что, якобы, в советской исторической науке “стало уже общепризнанной истиной, что история народа нередко старше истории его имени”⁷⁵. Этот тезис не только подводил под новую концепцию этногенеза узбекского народа соответствующее мето-

дологическое основание, но и расчищал поле для произвольной манипуляции историческими данными в разработке этногенеза любого другого народа. Теперь, если поступал социальный заказ по расширению исторических рамок этногенеза того или иного народа, достаточно было удовлетворить три условия: 1) рассматривать этноним народа всего лишь как ярлык, наклейку, не имеющую никакого значения, с точки зрения идентичности и самосознания народа, 2) вместо этнонима и этнического самосознания использовать в качестве признака принадлежности к той или иной народности "объективные" черты образа жизни (например, оседлый образ жизни) или сходство языка (например, язык тюрки), 3) при необходимости рассматривать любой из народов, обитавших на данной территории в древности, не только в качестве его "предка" (что было бы вполне правомерным), но и задним числом присваивая ему этноним этого народа. Эти три методологических принципа стали краеугольным камнем всей последующей советской исторической науки, связанной, по крайней мере, с узбекской историей и этногенезом узбекского народа.

Через пять лет после выхода злополучной "Истории народов Узбекистана" вышло новое четырехтомное издание "Истории Узбекской ССР" (1955–1958)⁷⁶, которое уже следовало методологическим указаниям Якубовского. Линию последнего продолжил С. Толстов, уполномоченный от партии и государства представлять "истинную" историю образования узбекского народа, о чем говорит его статус одного из главных редакторов нового четырехтомного издания, а также труда "Народы Средней Азии и Казахстана", вышедшего в 1962 г. в серии "Народы мира". О принадлежности С. Толстова к школе Якубовского говорит повторенный им тезис своего учителя о том, что «следует отличать историю этнонима "узбек" от истории формирования узбекского народа»⁷⁷.

В тот же период вышла монография М. Вахабова "Формирование узбекской социалистической нации"⁷⁸, завершавшая канонизацию этногенеза узбеков в духе концепции Якубовского. Используя тот же принцип отрицания значимости этнонима и самоназвания этноса в разработке его этногенеза, Вахабов пришел к заключению о том, что "узбеки сложились в особую народность еще в начале второго тысячелетия нашей эры"⁷⁹. В принципе, предложенная Якубовским формула этногенеза позволяла обосновывать и более раннее происхождение узбекского, как, впрочем, и всякого другого народа, что было, кстати, с готовностью применено разработчиками этногенеза титульных наций соседних с Узбекистаном республик.

Постсоветские реалии

Следует признать, что многолетние усилия правящих и культурных элит по формированию современной узбекской идентичности дали свои плоды: на сегодняшний день подавляющее большинство тех, кто зарегистрирован в качестве узбеков, действительно ощущают себя принадлежащими к узбекской нации. В этом плане имеется разительная разница между сегодняшним днем и ситуацией непосредственно после национального размежевания 1924 г., сопряженной с инкорпорацией в узбекскую национальность сартов и других племен и народностей, ранее не называвших себя узбеками. Еще в 1937 г. первый секретарь компартии Узбекистана А. Икрамов признавал, что до национального размежевания большинство узбеков не ощущало себя единой нацией: "Трудящиеся массы узбеков не осознавали себя как единую национальность. Ферганских узбеков обычно называли коканлыками, по названию ханства; зерафшанских, кашкадарьинских, сурхандарьинских узбеков называли бухарцами. Кочевые узбеки Кашкадарьи и Сурхандарьи узбекское население наших городов не считали узбеками. Хорезмцы, например, всех узбеков, приезжавших из других частей Узбекистана, называли почему-то таджиками, а русские колонизаторы называли всех их сартами..."⁸⁰. Национальная идентичность тогда действительно была вто-

ричной, следующей по важности после принадлежности территориальной или родовой.

Уже начиная с 1950-х годов и в 1960–1970-е годы большинство узбеков на вопрос “кто вы?” отвечало, что они в первую очередь “узбеки”, а затем называли местность своего проживания. Этому в значительной степени способствовал рост среднего образования среди узбеков, а в этой связи популярность национальных поэтов молодого поколения из числа “шестидесятников”, за ними – поколения 70-х и 80-х годов, озвучивших идею национальной идентичности. Признаком роста узбекского национального самосознания в массах стала широкая популярность стихотворения Э. Вахидова “Узбегим”⁸¹, часто цитировавшегося молодежью в 1970–1980-е годы. Примечательно, что и в этом знаковом стихотворении воспроизводится парадигма национальной истории, в которой отведено место деятелям чагатайской эпохи, упоминаются более ранние вехи региональной истории, даже сам Чингисхан и почему-то хан Батый, но, опять-таки, нет и намека на вождей кочевых узбеков. В дальнейшем, особенно в конце 1980-х годов, на фоне и под влиянием подъема национально-демократического движения стали нарастать требования придания узбекскому языку статуса государственного, решение о чем в итоге было принято в октябре 1989 г.

Большинство потомков сартов и узбекских племен сегодня уже не помнят об этнической или родо-племенной принадлежности их дедов и прадедов. Память о своей родословной сохранилась у людей преимущественно в некоторых сельских районах, где в прошлом концентрировались узбекские и тюркские племена, особенно в районах южного Узбекистана. В редких случаях, но все же можно говорить об остатках исторической и семейной памяти и о сартах. Так, в полевом исследовании, проводившемся в 2001 г. при участии автора в сельской местности Язъяванского р-на Ферганской обл., был выявлен следующий случай. Один из респондентов признался, что некоторые его соседи из числа каракалпаков и представителей рода тюрк называли его сартом. Из этого следует, что память о сартах сохраняется, по крайней мере, среди представителей бывших полукочевых племен, к которым относились в Ферганской долине, помимо кыргызов, также каракалпаки, кипчаки и тюрки.

Какие же изменения в плане дальнейших этнических процессов среди коренных народов Узбекистана принес распад СССР? Определенные изменения, хотя и мало-значительные, произошли. С обретением политической независимости был вновь поставлен вопрос об узбекской национальной идентичности, языке и этногенезе. Особых общественных дебатов относительно этих вопросов не наблюдалось, за исключением споров об узбекском алфавите и национальной символике.

В 1992–1993 гг. дебаты разгорелись относительно того, какой алфавит следует принять в условиях независимости – вернуться к арабскому, перейти на латиницу или оставить всё как есть. Верх одержали сторонники введения латиницы, активно поддержанные новыми властями. В 1993 г. состоялось принятие закона Республики Узбекистан “О введении узбекского алфавита, основанного на латинской графике”. Кажется бы, это был знак, свидетельствующий о возрождении пантюркистских настроений. Однако в действительности это оказался выбор в пользу “наименьшего зла” – лишь бы не допускать принятия арабской графики, а, кроме того, поскорее оборвать “пуповину”, связывавшую узбекское общество с советским прошлым. Существенного влияния на умы и самоощущение узбеков это решение пока не принесло, если не считать того, что новое поколение школьников, обучаемое латинскому алфавиту, оказалось лишенным возможности читать узбекскую литературу на кириллице, вышедшую в советский период и выпускаемую местными издательствами по сей день в гораздо большем количестве, чем литературу на латинице.

Из новых явлений следует отметить замещение многих заимствований из русского и других европейских языков местной, как правило, тюркской, арабской и даже персидской терминологией. В остальном не наблюдается значительных отклонений

от той формулы узбекской идентичности, которая была предложена в свое время А. Якубовским. Пантеон национальных героев по-прежнему формируется главным образом из представителей чагатайской эпохи, во главе которых стоит Тимур, в честь которого воздвигнуты памятники и открыты музеи, словом, ему оказаны почести самого высокого ранга. Фигуры золотоордынской эпохи – Шейбани-хана и Абулхайр-хана, – напротив, упоминаются довольно редко, нет ни одного памятника, ни одной книги, посвященных деятелям эпохи Узбекского улуса.

Похоже, в вопросе о высших национальных приоритетах имеется достаточно значительная степень консенсуса между правящей и культурной элитами, сконцентрированными в столице. Неясность до сих пор сохраняется и в вопросе о природе формирующегося национального государства – должно ли оно оставаться этноцентристским, как было задумано в 1924 г., или его следует преобразовывать в такое, которое характеризуется понятием *современное нация-государство*. Если в первом случае первичен этнос, а вторично гражданство, то во втором случае, наоборот, в графе “национальность” в анкетных данных ставится название страны, где проживает данный индивид, а не его этническая принадлежность. В практическом плане второй вариант, учитывая настроения в обществе, особенно в среде национальной элиты, пока маловероятен.

Примечания

¹ Данная статья представляет собой переработанный вариант одноименной работы, вошедшей в сборник “Этнический атлас Узбекистана” (Ташкент, 2002. С. 268–302). Электронная версия сборника доступна в Интернете: <http://ula.uzsci.net/portal/library/atlas.php>, а также <http://diaspora.ferghana.ru/atlas>. В публикуемой статье отражена личная точка зрения автора.

² Далее при наименовании данного региона мы будем пользоваться терминами *Средняя Азия*, *Мавераннахр* (*Среднеазиатское междуречье*) и *Трансаксания*, которые, если иметь в виду территориальный ареал, являются синонимами. Следует отличать этот ареал от Центральной Азии, куда помимо Средней Азии входят также казахстанские степи, а в некоторых случаях туда включают и Афганистан.

³ При этом имеются и другие компоненты и этнические образования, включение которых в состав узбеков может быть предметом обсуждения: например, некоторые роды и племена монгольского и тюрко-монгольского происхождения; вопрос о таджикоязычном населении. Но эти сюжеты мы сознательно оставляем за рамками статьи, поскольку они требуют специального рассмотрения.

⁴ История народов Узбекистана. Т. 2 / Ред. С.В. Бахрушин, В.Я. Непомнин, В.А. Шишкин. Ташкент, 1947. С. 21.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Бартольд В. Абулхайр // Бартольд В. Соч. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 488.

⁷ Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М., 1958. С. 18.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. СПб., 1865. С. 171.

¹¹ Гейер И. Туркестан. 2-е изд. Ташкент, 1909. С. 34.

¹² Масальский В.И. Туркестанский край. СПб., 1913. С. 381.

¹³ Логофет Д.Н. Бухарское ханство: под русским протекторатом. Т. 1. СПб., 1911. С. 155–156.

¹⁴ См.: Этнический атлас Узбекистана. С. 303–311 (табл. 4 в Приложении).

¹⁵ Бартольд В. Чагатай-хан // Бартольд В. Соч. Т. 2. Ч. 2. С. 538–544.

¹⁶ В определенные периоды район Карши даже являлся ставкой Чагатаидов.

¹⁷ Гребенкин А.Д. Узбеки // Русский Туркестан. М., 1874. С. 51–108.

¹⁸ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. 1. Бухара. Ташкент, 1926. С. 174–229.

¹⁹ Материалы всероссийских переписей. 1917 г. Перепись населения в Туркестанской республике. Вып. IV. Сельское население Ферганской области. Ташкент, 1924. С. 42, 44.

²⁰ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Т. VIII. М., 1928. С. 13–43; Т. XV. М., 1928. С. 216–219.

²¹ Андреев М.С. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 году. Ташкент, 1924. С. III.

²² См.: Винников В.Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине // Среднеазиатский этнограф. сб. М., 1959. С. 396.

²³ Русский вариант статьи опубликован в: Бартольд В. Соч. Т. 2. Ч. 2. С. 527–529.

²⁴ Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886. С. 32.

²⁵ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886. С. 15.

²⁶ Статистический ежегодник. 1917–1923 гг. Т. 1. Ташкент, 1924. С. 45.

²⁷ Материалы по районированию Средней Азии. С. 174.

²⁸ Мы детально излагаем позицию Лапина, поскольку именно она возобладавала, с административной точки зрения: после национального размежевания термин “сарт” вышел из официального употребления, а так называемый сартовский язык после некоторой модификации был признан новоузбекским языком. Сам Лапин, однако, не примкнул ни к джадидам, ни к большевикам. В 1917 г. он возглавил политическую мусульманскую организацию “Шурои уламо”, которая стояла на позициях приоритетности законов шариата в общественном устройстве Туркестана. На выборах в Ташкентскую городскую думу летом того же года эта партия получила 62 места из 112, заметно опередив продаждидскую “Шурои ислами” (см.: Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 44). После большевистского переворота в ноябре 1917 г. Лапин эмигрировал из Туркестана.

²⁹ Бартольд В. Соч. Т. 2. Ч. 2. С. 303–305.

³⁰ Там же. С. 306–309.

³¹ Кроме указанных выше назовем еще одну статью В. Бартольда, касающуюся этой темы: “Еще о слове Сарт” // Бартольд В. Соч. Т. 2. Ч. 2. С. 310–314.

³² Ойна. 1915. № 22, 23, 25, 26. Вновь опубликована в: Бехбуди М. Избр. соч. Ташкент, 1997. С. 171–177 (на узб. яз.).

³³ Ойна. 1915. № 22, 23, 25, 26. Современная публикация: Бехбуди М. Указ. соч. С. 177–179.

³⁴ Бехбуди М. Указ. соч. С. 173.

³⁵ Там же. С. 177.

³⁶ Цит. по: Bregel Yu. The Sarts in the Khanate of Khiva // Jour. of Asian History. 1978. Vol. 12. № 2. P. 122.

³⁷ См.: Ibid.

³⁸ Шоберлайн-Энгел Д. Перспективы становления национального самосознания узбеков // Восток. 1997. № 3. С. 55.

³⁹ Бехбуди М. Указ. соч. С. 179.

⁴⁰ Кудайберды-улы Ш. Родословная тюрков, казахов и ханских династий. Алма-Ата, 1990. С. 107.

⁴¹ Асфендияров С. Земельный вопрос в Туркестане // Народное хозяйство Средней Азии. Ташкент, 1924. № 2–3. С. 55.

⁴² См.: Bourdieu P. The Forms of Capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Westport, 1986. P. 241–257. В данном случае под символическим капиталом мы понимаем аккумуляцию социально значимых символов, интериоризированных и институционализированных в объектах исторической памяти той или иной социальной группы (класса, национальности, граждан страны). Ценность, конвертируемость символического капитала заключается в его способности к массовой мобилизации или обеспечению лояльности членов данного сообщества. Само это сообщество, как корпоративная группа, в значительной степени формируется и конфигурируется благодаря мобилизующей роли символов. Символический капитал является, следовательно, одним из важнейших источников легитимации лидерства и власти.

⁴³ Данные приводятся по: Bregel Yu. Op. cit. P. 124–125.

⁴⁴ Так, Ф. Ходжаев стал первым главой Узбекистана, а А. Фитрат – одним из приближенных к нему лиц; с советскими органами короткое время сотрудничали Ахмад Заки Валиди Тоған, Бехбуди и др.

⁴⁵ См. примеч. к книге: Рыскулов Т.Р. Собр. соч. Т. 3. Алматы, 1998. С. 416.

- ⁴⁶ Цит. по: Революция и национальности. 1937. № 4. С. 42.
- ⁴⁷ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1974. С. 434.
- ⁴⁸ Нурпеисов К.И., Григорьев В.К. Турар Рыскулов и его время // Рыскулов Т.Р. Собр. соч. Т. 1. С. 33.
- ⁴⁹ Там же. С. 436, 544.
- ⁵⁰ То же.
- ⁵¹ См.: Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. L., 1983.
- ⁵² См.: Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983.
- ⁵³ Статистический ежегодник. 1917–1923 гг. С. 99–109.
- ⁵⁴ Республика Узбекистан: Энциклопедия / Ред. Н. Тухлиев и др. Ташкент, 1997. С. 496 (на узб. яз.).
- ⁵⁵ См.: Положение о лицензировании издательской деятельности и состав комиссии Кабинета Министров по лицензированию издательской деятельности утверждены постановлением правительства Узбекистана от 11 июня 2004 года за № 275 (www.freeuz.org, 24.06.2004).
- ⁵⁶ Шоабдурахманов Ш., Решетова Л.В. Узбекский язык // Узбекская Советская Социалистическая Республика / Ред. К.А. Зуфаров и др. Ташкент, 1981. С. 364.
- ⁵⁷ Шоабдурахманов Ш., Решетова Л.В. Указ. соч.
- ⁵⁸ Поливанов Е.Д. Этнографическая характеристика узбеков. Вып. 1. Происхождение и наименование узбеков. Ташкент, 1926. С. 6–7.
- ⁵⁹ Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962. С. 128.
- ⁶⁰ Там же. С. 129.
- ⁶¹ См. ст. “Узбекский язык” в: Этнический атлас Узбекистана.
- ⁶² Болтабоев Х. Фитрат и независимая духовность // Фитрат А. Избр. соч. Т. 1. Ташкент, 2000. С. 27 (на узб. яз.).
- ⁶³ Фитрат А. Общий взгляд на узбекскую литературу со времен XVI столетия // Фитрат А. Избр. соч. Т. 1. С. 55–56.
- ⁶⁴ Baldauf I. Some Thoughts on the Making of the Uzbek Nation // Cahiers du monde russe et sovietique. (Paris). 1991. Vol. XXXII (1). Janvier–mars. P. 83.
- ⁶⁵ Подробнее см. ст. “Узбекский язык” в: Этнический атлас Узбекистана.
- ⁶⁶ См.: Протоколы и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год четырнадцатый. 1 января 1909 г. – 1 января 1910 г. Ташкент, 1910. С. 133.
- ⁶⁷ См.: Foucault M. The Archeology of Knowledge. N.Y., 1972.
- ⁶⁸ Якубовский А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941.
- ⁶⁹ Там же. С. 3.
- ⁷⁰ Там же. С. 19.
- ⁷¹ Allworth E. The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present. Stanford, 1990. P. 241.
- ⁷² Гумилев Л.Н. В союзе с Ордой // Гумилев Л.Н. От Руси к России в союзе с Ордой. М., 1992. С. 89–194.
- ⁷³ Фитрат А. Скорбь Узбека (белый стих) // Фитрат А. Избр. соч. С. 31.
- ⁷⁴ История народов Узбекистана. Т. 1–2 / Под ред. С.П. Толстова, В.Ю. Захидова, Я.Г. Захидова и др. Ташкент, 1947–1950.
- ⁷⁵ История народов Узбекистана. Т. 1: С древнейших времен до начала XVI века / Ред. С.П. Толстов и др. Ташкент, 1950. С. 8.
- ⁷⁶ История Узбекской ССР. Т. 1–4 / Ред. С.П. Толстов и др. Ташкент, 1955–1958.
- ⁷⁷ История Узбекской ССР. Т. 1. Ташкент, 1955. С. 167.
- ⁷⁸ Вахабов М. Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961.
- ⁷⁹ Там же. С. 24.
- ⁸⁰ Икрамов А. О проекте Конституции Узбекской ССР: из доклада на Чрезвычайном VI съезде Советов Узбекской ССР 12 февраля 1937 г. // Революция и национальности. 1937. № 4 (86). С. 42.
- ⁸¹ Вахидов Э. Любовная страсть // Вахидов Э. Избранное. Т. 1. Ташкент, 2000. С. 200–203 (на узб. яз.).